

Михаил Павловец
«Том V. Программы»
Александра Кондратова:

НА ПУТИ К КИБЕРНЕТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

Mikhail Pavlovets

Volume V: Programs by Aleksandr Kondratov: On the Path Towards Cybernetic Poetry

Михаил Павловец (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), факультет гуманитарных наук, Школа филологических наук, доцент; кандидат филологических наук) mpavlovets@hse.ru.

Ключевые слова: Александр Кондратов, генеративная поэзия, дигитальная поэзия, кибернетическая поэзия, компьютерная поэзия, неоавангард

УДК: 82.1

DOI: 10.53953/08696365_2023_182_4_230

План Собрания сочинений представителя «филологической школы» ленинградского андеграунда Александра Кондратова, изложенный им в тексте «Мои троицы» и ряде других текстов, предполагал написание двенадцати томов произведений во всех трех родах литературы, в прозаической, стиховой и гибридной форме, являющих собой максимально широкую парадигму тем и художественных форм — как традиционных, так и авангардных. Собрание мыслилось как своего рода матрица генеративных программ, по которым можно было создавать любое количество текстов на определенную тему, определенного жанра или формы, — задача, которую потенциально могли бы взять на себя ЭВМ. Одной из частей этого собрания должен был стать том (или книга) «Программы» — собрание опытов Кондратова в области кибернетической поэзии. Однако Программы» так и остались, по-видимому, нереализованными, пав жертвой, как и весь план Собрания сочинений в целом, утопической масштабности замысла их автора.

Mikhail Pavlovets (PhD; Associate Professor, School of Philological Studies, Faculty of Humanities, HSE University (Moscow)) mpavlovets@hse.ru.

Key words: Alexander Kondratov, generative poetry, digital poetry, cybernetic poetry, computer poetry, neo-avant-guard

UDC: 82.1

DOI: 10.53953/08696365_2023_182_4_230

The plan for the “collected works” of a figure of “philological school” of the Leningrad underground, Alexander Kondratov, outlined by him in his text “My Trinities” (*Moi troitsy*) and in a number of other texts, implied the creation of 12 volumes of artworks written in all three forms of literature — prose, verse and hybrid, representing the widest paradigm of topics and artforms, both traditional and avant-garde. The collection was thought of as a kind of “matrix” of generative programs, from which it would be possible to create an immeasurable number of texts on certain topics, or of certain genres or forms — a task that could potentially be done by computers. One of the parts of this collection was supposed to be a volume (or book) called *Programs (Programmy)* — a compilation of Kondratov’s works in the area of cybernetic poetry. Programs, however, to all appearances, will likely remain unrealized, having become a sacrifice to the utopic immensity of its author’s idea, like the entire plan for the collected works as a whole.

Составитель одной из первых антологий компьютерной поэзии (1973) Ричард У. Бейли выделяет пять тенденций в поэзии, нашедших свое продолжение в экспериментах с ее генерированием при помощи компьютера: это конкретная поэзия (овеществляющая вербальные знаки); саунд-поэзия («чистая поэзия звука в словесных оркестровках» [Computer Poems 1973: 1]); алеаторическая поэзия (по-видимому, близкая «изысканному трупу» (*cadavre exquis*) сюрреа-

листов «поэзия монтажа случайных образов» — так бы мы перевели определение Бейли «*imagistic poetry in the juxtaposition of the unfamiliar*» [Ibid.]; хайку (поэзия *твердых жанровых форм*); наконец, поэзия, построенная на принципе «наложения порядка на беспорядок» [Ibid.] — *алеаторического заполнения заранее заданной грамматической матрицы*. В дальнейшем станет понятно, что данная типология далеко не полна, но из нее можно сделать вывод, что наиболее короткий путь к созданию того, что сегодня называют цифровой (кибернетической, компьютерной) поэзией, лежит от поэзии, основанной на поэтическом эксперименте: наложении заранее заданного автором алгоритма на во многом произвольный, инстинктивный или даже алеаторический процесс текстопорождения (читай: творчества). И здесь русскоязычная поэзия шла своими путями, во многом независимыми (в силу труднодоступности информации), но типологически близкими тем, по которым развивалась и поэзия западная.

Александр Кондратов (1937—1993) — один из наиболее значительных наследников футуристической традиции и характерный представитель неоавангарда в поэзии второй половины XX века, обычно причисляемый к «филологической школе» ленинградского андеграунда 1950—1960-х годов, хотя к филологическому факультету ЛГУ отношение имел косвенное: здесь он появлялся, так как в университете учился его старший брат Эдуард, один из представителей «старшего поколения» поэтов филфака, именовавших себя неофутуристами. Полученное Александром в действительности образование (Ленинградская областная средняя специальная школа милиции, Институт физкультуры им. Лесгафта — оба заведения не окончил) было мало связано с его будущими научными штудиями и популяризаторской деятельностью. При этом вокруг фигуры Кондратова сложился миф, во многом небезосновательный, о его удивительной трудоспособности и творческой плодовитости:

...уже в 1961 году у двадцатичетырехлетнего Кондратова выходит первая книга. Всего же за последующие 32 года его жизни их будет 40, а еще — более 150 статей. Это научно-популярные работы в следующих областях знания: история Древнего мира, география, геология, кибернетика, подводная археология, океанография, наука и религия, история древнего искусства, математическая лингвистика, палеолингвистика, спорт, семья и брак [Сажин 2015: 504].

Можно утверждать, что научно-просветительская деятельность Кондратова была для него лишь отчасти источником литературного заработка: сам выбор этой отрасли, находящейся на границах науки, просвещения и литературы, был одним из способов систематического постижения знания о мире в целом: о прошлом и настоящем, религии, мифологии и науке, жизни моря, суши и космоса, органической и неорганической, культуры и техники, мира животных и людей, вещей и знаковых систем. Смежными с этой деятельностью будут и научные изыскания Кондратова в области математической лингвистики, статистического стиховедения (статьи о ритмике Маяковского, в том числе в соавторстве с академиком Андреем Колмогоровым, статистике типов русской рифмы). В 1964 году Кондратов начал работать в области дешифровки древних писем с помощью математических методов в группе исследователей под руководством академика Юрия Кнорозова, а в 1969 году, не имея за спиной профильного высшего образования, успешно защитил кандидатскую диссертацию «Статистические методы дешифровки некоторых писем Древнего Востока»

и Средиземноморья». В начале 1980-х Кондратов в статусе члена научного совета АН СССР по комплексной проблеме «Кибернетика» (секция искусственного интеллекта) проводил эксперименты по моделированию поэтического творчества с помощью компьютеров, участвовал в деятельности созданной Раймундом Пиотровским всесоюзной группы «Статистика речи».

По-видимому, вся эта разнообразная и многоаспектная деятельность Кондратова мыслилась им комплексно и неразрывно с его литературной работой, так же охватывающей все три рода литературы — поэзию, прозу и драматургию, и подчинялась некой продуманной жизненной и творческой программе, реализацией которой эта деятельность и являлась. О грандиозности данного замысла можно судить по тексту поэта под названием «Мои троицы», синтезирующему в себе автобиографическое и программно-манифестарное начало¹. Амбиции Кондратова захватывают не только три творческих амплуа («Три творческих лика: Писатель — Ученый — Журналист» [Кондратов 1980: 235]) и все три рода литературы («Три писательских лика: Прозаик — Поэт — Драматург» [Там же]), но и внутри каждого рода он выделяет по три модуса, например для поэзии — утилитарный («сатирическая поэзия»), лирический («лирическая поэзия») и формально-экспериментальный («экспериментальная поэзия»). При этом именно поэтический раздел планируемого творческого наследия оказался у Кондратова наиболее продуманным — и наиболее близким к воплощению, особенно его экспериментальная составляющая.

В испещренном пометками Кондратова машинописном варианте «Моих троиц» из фонда Виктора Кривулина² Кондратов разносит свои сочинения не только по томам и книгам, но и по «флангам»: «левый фланг» (1952—1977), «центр» (1954—1984), «правый фланг» (1955—1980) и «эксперименты» (1960—1980), расписав в процентах степень готовности разных разделов, а также их наличие. Это деление соответствует задуманному им делению своего творческого наследия на двенадцать томов — четыре поэтических и восемь прозаических (последний — том драматургии Кондратова): каждый из этих томов отнесен к тому или иному «флангу». Так, к «левому флангу» отнесен поэтический «том» «ПУЗЫРИ», датированный Кондратовым 1952—1977 годами: том состоит из трех «книг» — «Пузыри», «Скворешник» и «Числа» (каждая «книга», в свою очередь, состоит из трех «сборников») плюс десятый «сборник» — поэма «Кащей». Тем самым выстраивается единство, построенное на семантике трех чисел — 3, 4 и 10 (датировка времени создания этих произведений укладывается ровно в 25 лет — еще одно «круглое» число).

Второй «том» — «правый фланг» — носит название «СКИРЛИ»: предполагается, что он будет включать в себя тридцать сборников 1954—1984 годов

1 Нам доступны две редакции этого небольшого, четырехстраничного машинописного текста, датированного серединой 1970-х годов: один из них был опубликован Константином Кузьминским в первом томе антологии «У Голубой лагуны» [Кондратов 1980: 235—237], другой содержится в Бременском архиве в фонде Виктора Кривулина (Archiv der Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen. FSO 01-071 Krivulin); кроме того, Арсен Мирзаев в журнале «Дети РА» опубликовал автобиографический текст Кондратова «Творческий портрет для ВААП», написанный автором, по словам публикатора, около 1990 года и в целом воспроизводящий структуру задуманного Собрания сочинений (с учетом как сделанного за прошедшие 15 лет, так и изменившихся замыслов) [Там же].

2 Archiv der Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen. FSO 01-071 Krivulin.

(тридцатилетия) и носить подзаголовок «СМЭРШ» — «Стиховая малая энциклопедия русской шизни» <sic!>. Том третий (он же «центр») носит название «ЛАМ» (что на тибетском обозначает «путь»), так же состоит из трех «книг» и должен включать стихи 1955—1980 годов (25 лет): если первых два тома к концу 1975 года завершены, согласно авторским пометкам, в целом на 75%, то третий — только на 60%, и тут интересно его обозначение Кондратовым — «лирическая биография», завершение которой, видимо, отнесено автором на более поздний срок. Это том, включающий в себя тексты с ясно проявленным поэтическим субъектом, имеющим в качестве своего прототипа самого автора и репрезентирующим его жизненный, духовный и творческий путь.

Таким образом, «правый фланг» творческого наследия Кондратова — это творчество главным образом «прикладное» — «сатирическое» в поэзии, жанровое (авторские разновидности детективного жанра) в прозе и «прикладная драматургия (для цирка и т.д.)» — то есть там, где искусство слова выходит в смежные сферы, а содержание определяет собою форму. «Центр» — творчество в широком смысле «автобиографическое»: «я-литература» в прозе, лирика в поэзии; в драматургическом разделе им соответствуют «пьесны» — «пьесы в стихах», жанровый подзаголовок которых совмещает понятия «пьеса» и «сон». При этом «левый» фланг и «эксперименты» отражают один и тот же — «поэтический лик» автора — «экспериментальный», который тем самым одновременно является выходом за очерченную «троицу» «ликов» — и соотносится с нею.

«Матричный» принцип творческого планирования сразу задавал очертания того неоавангардистского «сверхтекста», который собирался возвести Кондратов, спроектировав его структуру и затем уже заполняя пустые ячейки образцами собственного творчества, — однако большинство из этих кластеров заполнены лишь отчасти или пустуют (возможно, будучи попросту потеряны). Очевидно, что эта героическая (и одновременно утопическая по сути) попытка Кондратова заполнения в одиночку всех кластеров как традиционной, так и авангардной поэзии, от ее минимальных («нулевых» и «пустотных» форм) до постулируемого им «кибернетического моделирования творчества (в рамках предельно формальных поэтических форм, вроде палиндрома, брахиколона и т.д., где отбор сов<ершенно> строго задан самой формой стихотворения)» [Орлицкий, Павловец 2015: 2], по понятным причинам была обречена на неудачу. Тем не менее сама эта «неудача» — как масштабный художественный эксперимент, да еще проведенный в одиночку, заслуживает не только уважения, но и изучения — в качестве неизбежного и при этом крайне интересного результата.

* * *

В своем исследовании «поэзии формальных ограничений» (одной из разновидностей которой является так называемая комбинаторная поэзия, построенная на комбинировании разных элементов поэтической структуры) Татьяна Бонч-Осмоловская предлагает различать «формальную литературу» (литературу «технэ») и «литературу исступления» (литературу «мании») [Бонч-Осмоловская 2009: 11—33], что позволяет в литературе авангарда выделить отдельное направление «академического» или «когнитивного авангарда» (в противоположность авангарду, делающему ставку на иррациональность, алеаторику и трансрациональную поэзию). По мнению исследовательницы, «творчество

технэ строится на трех китах — это, во-первых, *школа или традиция*, во-вторых, и очень близко к первому, *формальный метод*, и, в-третьих, *игра* [Там же: 22]. Два первых принципа предполагают акцент на формальном аспекте генерируемого текста — через усложнение известных в традиции художественных приемов и форм и их комбинирование, третий же принцип актуализирует важное условие игры — наличие свода правил и конвенций, вне которых игровая деятельность попросту невозможна, а также специфического удовольствия, которое испытывает homo ludens, и в процессе решения им самим принятой для себя задачи — и от полученного результата.

Бонч-Осмоловская предлагает разработанную ею, с опорой прежде всего на теоретические поиски членов группы УЛИПО (фр. l'OULIPO, l'Ouvroir de Littérature Potentielle, Мастерская потенциальной литературы), типологию «литературы формальных ограничений», выделяя пять типов текстов, в основе которых лежат: 1) комбинаторные формы; 2) определенные последовательности; 3) стремление к пределу; 4) гомоморфические преобразования других текстов; 5) иные формальные структуры. Изучение доступной части наследия Кондратова позволяет нам сделать вывод о том, что в его творчестве можно видеть примеры как литературы «мании», так и «технэ», а среди последних найти образцы всех пяти типов «литературы формальных ограничений». По сути, не только «Эксперименты», но и три остальные части творчества Александра Кондратова в основе своей имеют ту или иную «генеративную программу» или даже их набор: как правило, такая программа задает принципы создания как тома в целом, так и конкретной «книги» или «сборника»/«цикла». Так, про отнесенный к прикладному, «правому» флангу том «СКИРЛИ» читаем:

том «СКИРЛИ» (1000 стих + реестры)

СТИХИ, ТОМ II 1955—1980

30 сборников, начинающихся с буквы «С» (Смирно!, Спорт и т.д.), состоящих из 30—35 стихотворений + 3 «реестра» (резюме) — «указатель имен собственных» (Абакумов, Абрамов и т.д.) «указатель стихотворений» и «указатель тематики» [Кондратов 1980: 236].

То есть даже достаточно традиционные (судя по имеющимся в нашем доступе текстам) произведения этого тома представляют собою то, что Бонч-Осмоловская определяет как «тексты, в основе которых лежит стремление к пределу», в данном случае — с тавтограмматическими заголовками, то есть буквенным ограничением в названиях сборников, которые начинаются на С, и, кроме того, снабжены тремя общими на все 30 сборников «реестрами». И если «указатель стихотворений» для книги в 1000 стихотворений, безусловно, вещь полезная, то «указатель имен собственных» — скорее атрибут научной или мемуарной, но не художественной литературы, что же касается реестра «тематики», заданной, кстати, самими заглавиями «сборников», то всё вместе это напоминает корпусную работу с текстами, знакомую Кондратову.

Другой принцип положен в основу первого тома — отнесенного к левому флангу тома «ПУЗЫРИ». Он также состоит из четырех книг. Первая книга, одноименная со всем томом — «Пузыри», — включает три «сборника», в каждый из которых планировалось включить по 100 стихотворений. Первый — собственно «Пузыри» (одноименный и с книгой, и с томом) — должен был включать тексты, в которых так или иначе возникает образ или мотив пузыря. Второй сборник — «Бестиарии» — свод циклов, продолжающих традиции средневеко-

вых стихотворных бестиариев и посвященных представителям живого мира, его флоры и фауны — от простейших и до человека и «фантастических тварей»³; и, наконец, сборник «Икебана» — циклы тавтограмматических хокку от А до Я. Вторая книга тома «ПУЗЫРИ» называется «Скворешник» и из мира животного и растительного переносит читателя в мир литературы: как мы с Юрием Орлицким уже писали в комментариях к публикации некоторых частей этой книги,

«Скворешник» (именно так писал это слово А. Кондратов) — емкий символ, связанный с образом дома скворца (=поэта). По-видимому, автор обыгрывает известную широту певческого репертуара скворца, а также его умение подражать голосам других птиц и даже животных. С другой стороны, можно предположить, что для Кондратова прецедентным текстом тут послужила книга Валерия Брюсова «Опыты по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам. 1912—1918» (Москва, 1918) — попытка дать исчерпывающую парадигму различных жанровых форм мировой поэзии на русском языке [Кондратов 2015: 274].

Состоит книга из трех частей, также по 100 стихотворений в каждой — сборники «Скворешник» (произведения в различных стихотворных системах), «Литературные мечтания» (твердые жанровые формы, в основном экзотические: касыда, туйук с редифом, рубаи, драпа и др.) и «Форум форм», он же сборник «ШИС (школа игры на стихе)», — опыты деструкции стихотворной формы, комбинаторной игры со структурными элементами стиха.

Третья книга тома «ПУЗЫРИ» — «Числа»: в ней планировалось 400 стихотворений (чтобы в сумме весь том дал заветное число 1000), которые были распределены между тремя сборниками: «Числа (0—10)», «Числа (11—99)» и «Числа (100—100000...)». Уже по названию можно судить, что книга должна была включать образцы так называемой цифровой поэзии⁴. Таким образом, сама композиция тома «ПУЗЫРИ» задавала движение от мира природного через мир человеческого творчества в мир предельных абстракций. При этом Кондратов старается развернуть широкую парадигму форм цифровой поэзии: от тематизирования конкретных цифр и каламбурного обыгрывания их названий в составе обычных слов — и до «рыб»⁵.

Закрывает же том «ПУЗЫРИ» опыт стихотворного эпоса — «поэмы-романа в стихах» «Кащей»: это одновременно десятый сборник тома, по замыслу автора состоящий из 108 глав: $108 = 4 \times 33$, то есть сама поэма структурно изоморфна тому «ПУЗЫРИ», состоящему из четырех книг, каждая из которых состоит из трех сборников, разбитых на три цикла (внутри которых также может быть трехчастное деление). Этот структурный принцип автор очевидно старался выдержать и в других частях своего масштабного собрания сочинений.

IV том «Конкреции» Александра Кондратова — наиболее радикальный из первых четырех планировавшихся томов. О его замысле мы также узнаем из программного текста «Мои троицы»:

3 Подробнее см.: [Кондратов 2015: 506].

4 Идея поэзии из цифр принадлежит В. Хлебникову; существовала и поэма из цифр А. Крученых — видимо, пропавшая (см. об этом: [Харджиев 2006: 78—80]. Подробнее о «цифровой поэзии» см.: [Орлицкий 2014а].

5 «Музыкантам известен термин “рыба”. Так называют запись мелодии без слов, числами, с тем чтобы потом найти к этой мелодии “настоящие слова” (например, первая строчка песни “Во поле березка стояла” в ключе “рыбы” можно записать числами: 35—12—15)» [Кондратов 1990: 101].

том «КОНКРЕЦИИ» (1000 штук) ОСОБЫЙ (IV-Й) ТОМ 1960—1980.

книга 1: Избранное (бреды), «Документация», «Учебник русского языка». книга 2: «Плантации», «Графемы», «Фонемы». книга 3: «Выход к нулю» — «От нуля к нулю» — «Нули»

«ПРОГРАММЫ» (книга 4) — 100 программ и 1000 текстов, порожденных этими программами с помощью ЭВМ

(5-й том — или, если не будет проведен эксперимент с ЭВМ, то как книга 4-го тома «КОНКРЕЦИИ») [Кондратов 1980: 236].

«Конкреции» в «Моих троиках», как и первый том «Пузыри», мыслились как собрание именно экспериментальных текстов автора⁶: «...поэзия экспериментальная («Пузыри» + «Конкреции» и «Программы» [Там же: 235]). «Программы» как книга текстов, которые планировалось сгенерировать при помощи ЭВМ, являли собою лишь одну из разновидностей так называемого генарта — «генеративного искусства» (generative art), интерес к которому возрос в середине 1960-х годов. По определению американского художника и исследователя генарта Филиппа Гелентера,

генеративным искусством является любая художественная практика, когда художник использует такого рода автономную систему как набор правил естественного языка, компьютерную программу, механизм или алгоритм, которая способствует созданию — или прямо порождает законченное произведение искусства [Galanter 2003].

Именно Александр Кондратов среди русских неоавангардистов стал одним из последовательных адептов генарта: все его Собрание сочинений должно было стать своего рода энциклопедией различных способов порождения как текстов, так и свертковых единств по тем или иным порождающим моделям. Это могут быть как модели, усложняющие заданные традицией правила порождения поэтического текста («поэзия формальных ограничений»), так и, напротив, подвергающие художественную структуру «творческой деструкции», которая неизбежно ведет к предельно минимальным формам поэзии и «нулю форм». Порождение текстов при помощи ЭВМ — один из вариантов генарта, к которому Кондратов пришел относительно поздно, во второй половине 1970-х годов, когда план «Моих троик» уже в целом сложился — но все еще не было уверенности в реализуемости данных замыслов, поэтому автор колеблется, будут ли «Программы» отдельным — пятым — томом (что, возможно, заставит пересмотреть структуру всего Собрания сочинений, так как это нарушит симметрию структурной схемы 4 + 8) или же войдут в состав четвертого тома — тома «Конкреции». В позднем тексте «Справка о пене», приложенном к одной из редакций книжки «Пу-зы-ри (1952—1967)» и датированном 2 февраля 1989 года, Кондратов перечисляет свои сборники, близкие поэтике этой книжки, и называет среди прочих:

книга «КОНКРЕЦИИ». 1960—1990

книга «Я — РОБОТ (?!). 1980—1990⁷.

6 Подробнее см.: [Павловец 2014].

7 The Amherst Center for Russian Culture. Konstantin Kuzminsky Papers. Box 47, Folder 2, Page 59.

О самой возможности генерировать стихотворения при помощи компьютерной программы Кондратов рассказывал еще в 1961 году в статье со знаменательным названием «От нуля к нулю», стилизованной под распространенную в СССР критику «буржуазного», в данном случае — «беспредметного», искусства, «конкретной музыки» и творчества Селина и Генри Миллера:

«Авангардизм» вместе с потерей эстетических критериев потерял художественную убедительность конкретной формы, конкретного образа. Знакомясь с проблемами создания программы, по которым кибернетические машины могли бы «сочинять произведения искусства», можно убедиться, что произведения модернизма легко поддаются имитации на кибернетических машинах. «Электронная поэтесса» Каллиопа сочиняла стихи, ничем не отличающиеся от заумных модернистских виршей [Кондратов 1961: 25].

О возможностях кибернетической поэзии Кондратов рассказывает в статье «Кибернетика и абстракционизм» [Кондратов 1963: 44], а в первой своей научно-популярной книжке «Математика и поэзия», перейдя от рассказа о том, как компьютер может быть полезен при исследовании художественных текстов, автор завершает свою книжку идеей машинного подбора рифм и даже генерирования на ЭВМ поэтических текстов:

Однако кибернетики могут избрать другой путь — не подражания живым поэтам, которые и без помощи электронных машин справляются со своей задачей, а наборот, создания самостоятельных поэтов-роботов [Кондратов 1962а: 46].

Уже в середине 1960-х годов в СССР возможность создавать при помощи ЭВМ не только музыку, но и стихи активно обсуждалась — укажем хотя бы на адресованные далеко не только специалистам брошюры Ю.А. Филиппева [Филиппев 1964] и Л.Б. Переверзева [Переверзев 1966]; позднее один из алгоритмов по генерированию стихов из книги О.Э. Мандельштама «Камень» представил в своей работе Борис Кац [Кац 1978]. Как поясняет в своей работе Л.Б. Переверзев,

способность сочинять стихи или музыку определяется как способность (сознательная или бессознательная) находить нужные инварианты и комбинировать их для получения желаемого эстетического эффекта... Зная достаточное количество инвариантов, присущих структурам всех произведений некоторого жанра, и зная допустимый предел случайных отклонений, можно составить практически необъятное количество различных комбинаций, каждая из которых будет удовлетворять формальным требованиям данного жанра [Переверзев 1966: 129—130].

О том, насколько серьезно Кондратов относился к задаче создания кибернетической поэзии, говорит следующая его автохарактеристика из документа «(творческий портрет для ВААП)»:

Не прекращая работ в области дешифровки, Александр Кондратов в последние годы проводит эксперименты по моделированию поэтического творчества с помощью компьютеров, являясь членом научного совета АН СССР по комплексной проблеме «Кибернетика» (секция искусственного интеллекта). О первых экспериментах в этой области им были опубликованы работы и сделаны доклады на международных совещаниях по искусственному интеллекту в Репино (1980 г.) и Ванкувере (1981 г.). Александр Кондратов принимал участие и в ряде международных совещаний, симпозиумов, семинаров [Кондратов 2008].

В совместной с минским лингвистом Александром Зубовым статье «Программа “Скальд” — опыт моделирования поэтического творчества для ЭВМ» можно узнать о созданной при консультации специалиста по древнескандинавской литературе профессора Михаила Стеблин-Каменского компьютерной программы, задача которой было попытаться смоделировать жанры скальдической поэзии — драпы и нида, построенные на специфической многоступенчатой метафоре — кённинге. Удобство компьютерного генерирования скальдической поэзии заключается в наборе ряда жестких правил, которым она должна подчиняться:

- 1) выбор темы (стихотворения писались на заказ);
- 2) выбор жанра (хвалебная драпа или хулительная песнь нида);
- 3) объем (четное число двустиший);
- 4) размер (один из пяти наиболее распространенных типов);
- 5) выбор одного из пяти типов рифмы.

Учитывая небольшие возможности ЭВМ того времени и большой трудоемкостью описания слов, разработчики решили ограничиться исключительно односложными словами, так что получившиеся у них тексты представляют из себя брахикоконы:

ДРАПА МЕЧУ

Ври, мчи,
при меч!
Серп

бич сеч,

брат битв
бритв.

Быстр, остр,
шустр, востр —
страж страд,
страх стад,
Мчи, меч!
Бей, меч!
Битв
серп бич,
сеч.

НИД ВОРОНУ

Вран,
вран,
вор ран,
гриб гроз,
гусь слез.
Сохл,
плох,
трухл,
рухл,
дряхл, чахл
затхл, тухл.
Жухл,
слаб
жрун жаб!
...Брр,
вран
дряни,
драп.

[Кондратов, Зубов 1984: 88]

Однако приведенный пример объясняет смысл тандема университетского лингвиста со стиховедом и поэтом: сгенерированные компьютером тексты не толь-

ко снабжены знаками препинания, проясняющими смыслы, но «Драпа мечу» представляет собой еще и фигурное стихотворение — изображающее, как можно понимать, боевой топор викинга, а косая лесенка обоих текстов задает определенный ритм и облегчает восприятие довольно экзотической формы. Более того, последним в поздней журнальной подборке «Игровые стихи» А. Кондратов среди прочих своих опусов приводит и этот, с некоторыми разночтениями и досадными опечатками, а также с лукавым комментарием:

В компьютерной программе «СКАЛЬД» я <sic!> попытался моделировать поэзию скальдов, которую называют «самой трудной в мире поэзией», ибо требования к поэтической форме в ней необычайно высоки. Приводимый ниже стих «Драпа мечу» (драпа — хвалебная песнь) мог быть написан и компьютером, и человеком... Но разве обязательно знать, кто автор стихотворения? Ведь главное — сам текст... [Кондратов 1990: 106].

Впрочем, в книге «Скворечник» в цикле «Скальдика» мы среди других опытов автора в области экзотических жанровых форм обнаруживаем оригинальный брахиколон Кондратова «Драпа мечу», более далекий от своего кибернетического прототипа:

Прочь,	чист
вран,	гон, —
бич	бег
ран	— бог!
Князь	Меч
сеч —	с плеч
ввысь,	бич
меч!	глав —
	прочь
Мчи,	речь!
конь	Меч —
огнь	правь! ⁸
ног —	

При всей схожести видно, что автор не отказал себе в удовольствии включить в драпу и реминисценцию из «Нашего марша» Маяковского («наш бог бег»), и фольклорную рифму «меч / с плеч», а также предложить иной строфический рисунок. Вообще брахиколонов у Кондратова десятки, если не сотни, и они образуют связанные циклы и даже сборники, либо в традиционных жанрах⁹ (бестиарии; римы) либо получая оригинальные авторские жанровые имена: «друдлы»¹⁰, «слайды» (или «брахиконспекты») и др. В журнальной подборке «Игровые стихи» [Кондратов 1990] Кондратов дает десять (!) типов стихотворных форм — как известных в литературе, так и авторских, построенных на принципе тех или иных формальных ограничений:

8 Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (СПб). Ф. 1438. — Фонд Александра Кондратова. Ед. хр. 125. Л. 6.

9 О богатстве жанрового и строфического репертуара Кондратова см.: [Орлицкий 2014б].

10 Как поясняет сам автор, «Друдлом в поэзии я называю стихи, в которых нарочито дается скопление согласных звуков» [Кондратов 1990: 104].

- I. «Перевертни» («раки», палиндромы).
- II. «Нумерология» (стихотворения, включающие в каждой строке цифры в восходящем или нисходящем порядке).
- III. «Цифирь» (стихотворения, в словах которых омонимичные звуко-комплексы заменяются соответствующими цифрами, например «100почная цыганская»).
- IV. «Хокку-тавтограммы».
- V. «Цепочки-моноримы» (однословные моноримы).
- VI. «Друдлы и гиатусы» (если друдлы построены на скоплении согласных, то гиатусы — на зияниях, то есть столкновении гласных звуков).
- VII. «Редупликации» (обыгрывание двойных слов вроде «чуть-чуть» или «шу-шу»).
- VIII. «“-Ь”-стихи» (из цепочек слов на -ь: как конвенциональных — «тишь», так и окказионализмов — «стишь»).
- IX. «Русские иероглифы» (редчайший у Кондратова пример использования элементов пиктографического письма).
- X. «Брахиколоны».

Кондратова интересовала вся возможная парадигма вариантов текстов, построенных по заранее заданным генеративным моделям, определение которых не представлялось возможным без участия поэта-исследователя: именно ему предстояло «расчертить» исходную «матрицу» для ее последующего заполнения.

Экспериментальный поиск поэзии А. Кондратова смыкается с проблемами кибернетического моделирования творчества (в рамках предельно формальных поэтических форм, вроде палиндрома, брахиколона и т.д., где отбор слов строго задан самой формой стихотворения) (цит. по: [Орлицкий, Павловец 2015: 2]).

Но вот окончательное заполнение этой матрицы, в случае успешности экспериментов с кибернетической поэзией, могло бы осуществляться при минимальном участии в процессе генерации человека. Поэтому он искал такой способ структурирования своего Собрания сочинений, чтобы оно носило именно «матричный» характер. И поэтому, хотя в «Моих тролицах» (и не только в них) и было заявлено существование если не пятого тома «Программы», то хотя бы раздела тома «Конкреции», состоящего из сгенерированных на ЭВМ стихотворений, в доступном нам архиве мы не обнаруживаем следов такого сборника или хотя бы цикла (не считая единичной «Драпы мечу»): первоочередными были задачи сначала самому выстроить систему и расписать правила генерации каждой из ее ячеек, а потом уже поручить это дело машине. К сожалению, творчество Кондратова выпало на период до массового прихода в нашу страну доступных персональных компьютеров и тем более широкой популяризации интернета, облегчивших рекрутинг и авторов, и читателей, которые были бы готовы к восприятию экспериментальных форм поэзии. Впрочем, как показывает исследование «протодигитальной поэзии» Криса Фанкхазера, «основы дигитальной поэзии, механически и концептуально заложенные за десятилетия до появления персональных компьютеров, прочно заложены были к 1990-м годам — до появления всемирной паутины» [Funkhouser 2007: 1] — и Кондратов был одним из ее основоположников (прежде всего такой разновидности дигитальной поэзии, как генарт), одновременно с двух сторон готовя почву для ее возникновения — и с научной, и с собственно творческой.

Библиография / References

- [Бонч-Осмоловская 2009] — *Бонч-Осмоловская Т.Б.* Введение в литературу формальных ограничений. Литература формы и игры от античности до наших дней. М.: БахраХ-М, 2009.
- (*Bonch-Osmolovskaya T.B.* Vvedenie v literaturu formal'nykh ogranicheniy. Literatura formy i igry ot antichnosti do nashikh dney. Moscow, 2009.)
- [Кац 1978] — *Кац Б.Г.* О программе, сочиняющей стихи // Автоматика и телемеханика. 1978. Вып. 2. С. 151—156.
- (*Kats B.G.* O programme, sochinyayushchey stikhi // Avtomatika i telemekhanika. 1978. Iss. 2. P. 151—156.)
- [Кондратов 1961] — *Кондратов А.М.* От нуля к нулю // Художник. 1961. № 12. С. 23—26.
- (*Kondratov A.M.* Ot nulya k nulyu // Khudozhnik. 1961. No. 12. P. 23—26.)
- [Кондратов 1962a] — *Кондратов А.М.* Математика и поэзия. М.: Знание, 1962.
- (*Kondratov A.M.* Matematika i poeziya. Moscow, 1962.)
- [Кондратов 1962б] — *Кондратов А.М.* Теория информации и поэтика // Симпозиум по структурному изучению знаковых систем. М.: Издательство АН СССР, 1962.
- (*Kondratov A.M.* Teoriya informatsii i poetika // Simpozium po strukturnomu izucheniyu znakovykh sistem. Moscow, 1962.)
- [Кондратов 1963] — *Кондратов А.М.* Кибернетика и абстракционизм // Художник. 1963. № 1. С. 43—44.
- (*Kondratov A.M.* Kibernetika i abstraktsionizm // Khudozhnik. 1963. No. 1. P. 43—44.)
- [Кондратов 1980] — *Кондратов А.М.* Мои троицы // У Голубой лагуны: В 5 т., 9 кн. Т. 1 / Под ред. К.К. Кузьминского. Newtonville, Mass.: Oriental Research Partners, 1980. С. 235—237.
- (*Kondratov A.M.* Moi troitsy // U Goluboy laguny: In 5 vols., 9 bks. Vol. 1 / Ed. by K.K. Kuz'minskiy. Newtonville, Mass., 1980. P. 235—237.)
- [Кондратов, Зубов 1984] — *Кондратов А.М., Зубов А.В.* Программа «Скальд» — опыт моделирования поэтического творчества для ЭВМ // Кибернетика. 1984. № 3. С. 86—88.
- (*Kondratov A.M., Zubov A.V.* Programma "Skal'd" — opyt modelirovaniya poeticheskogo tvorchestva dlya EVM // Kibernetika. 1984. No. 3. P. 86—88.)
- [Кондратов 1990] — *Кондратов А.М.* Игровые стихи // Аврора. 1990. № 12. С. 100—106.
- (*Kondratov A.M.* Igrovye stikhi // Avrora. 1990. No. 12. P. 100—106.)
- [Кондратов 2008] — *Кондратов А.М.* Стихотворения / Предисл. Арсена Мирзаева // Дети РА: Литературно-художественный журнал. 2008. № 6 (<https://magazines.gorky.media/ra/2008/6/stihotvoreniya-47.html> (дата обращения: 06.06.2023)).
- (*Kondratov A.M.* Stikhotvoreniya / Intro. by Arsen Mirzayev // Deti RA: Literaturno-khudozhestvennyy zhurnal. 2008. No. 6 (<https://magazines.gorky.media/ra/2008/6/stihotvoreniya-47.html> (accessed: 06.06.2023)).)
- [Кондратов 2015] — *Кондратов А.М.* Избранные произведения / Подгот. текста и коммент. Ю. Орлицкого и М. Павловца // Russian Literature. 2015. Т. LXXVIII. № I/II. С. 44—507.
- (*Kondratov A.M.* Izbrannyye proizvedeniya / Ed. and comment. by Yu. Orlitskiy, M. Pavlovets // Russian Literature. 2015. Vol. LXXVIII. No. I/II. P. 44—507.)
- [Орлицкий 2014a] — *Орлицкий Ю.Б.* Цифровые стихи в новейшей русской поэзии // Логический анализ языка: Числовой код в разных языках и культурах / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: ЛЕНАНД, 2014. С. 400—412.
- (*Orlitskiy Y.B.* Tsifrovye stikhi v noveyshey russkoy poezii // Logicheskiy analiz yazyka: Chislovoy kod v raznykh yazykakh i kul'turakh / Ed. by N.D. Arutyunova. Moscow, 2014. P. 400—412.)
- [Орлицкий 2014б] — *Орлицкий Ю.Б.* Александр Кондратов: диапазон художественного эксперимента. Стиховедческий аспект // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2014. Вып. 4. С. 135—149.
- (*Orlitskiy Y.B.* Aleksandr Kondratov: diapazon khudozhestvennogo eksperimenta. Stikhovedcheskiy aspekt // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika. 2014. Iss. 4. P. 135—149.)
- [Орлицкий, Павловец 2015] — *Орлицкий Ю.Б., Павловец М.Г.* Три творческих лика Александра Кондратова // Russian Literature. 2015. Т. LXXVIII. № I/II. С. 1—13.
- (*Orlitskiy Y.B., Pavlovets M.G.* Tri tvorcheskikh lika Aleksandra Kondratova // Russian Literature. 2015. Vol. LXXVIII. No. I/II. P. 1—13.)
- [Павловец 2014] — *Павловец М.Г.* «Конкретии» Александра Кондратова как опыт

- русского конкретизма // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2014. № 4. С. 156—163.
- (Pavlovets M.G. "Konkretizii" Aleksandra Kondratova kak opyt russkogo konkretizma // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika. 2014. No. 4. P. 156—163.)
- [Переверзев 1966] — Переверзев Л.Б. Искусство и кибернетика. М.: Искусство, 1966.
- (Pereverzev L.B. Iskusstvo i kibernetika. Moscow, 1966.)
- [Сажин 2015] — Сажин В.Н. Александр Кондратов — запоздалый советский футурист // 1913. «Слово как таковое»: к юбилейному году русского футуризма: материалы международной научной конференции (Женева, 10—12 апреля 2013 г.) / Сост. и науч. ред. Ж.-Ф. Жаккар и А. Морар. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. С. 491—511.
- (Sazhin V.N. Aleksandr Kondratov — zapozdalyy sovetkiy futurist // 1913. "Slovo kak takovoe": k yubileynomu godu russkogo futurizma: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Zheneva, 10—12 aprelya 2013 g.) / Comp. and sci. ed. by J.-Ph. Jaccard, A. Morar. Saint Petersburg, 2015. P. 491—511.)
- [Филиппьев 1964] — Филиппьев Ю.А. Творчество и кибернетика. М.: Наука, 1964.
- (Filip'yev Y.A. Tvorchestvo i kibernetika. Moscow, 1964.)
- [Харджиев 2006] — Харджиев Н.И. От Маяковского до Крученых: Избранные работы о русском футуризме / Сост. С. Кудрявцев. М.: Гилея, 2006.
- (Khardzhiyev N.I. Ot Mayakovskogo do Kruchenykh: Izbrannyye raboty o russkom futurizme / Comp. by S. Kudryavtsev. Moscow, 2006.)
- [Computer Poems 1973] — Computer Poems / Ed. by Richard W. Bailey. Drummond Island, MI: Potagannissing P, 1973.
- [Funkhouser 2007] — Funkhouser C.T. Prehistoric Digital Poetry An Archaeology of Forms, 1959—1995. Tuscaloosa, Alabama: The University of Alabama Press, 2007.
- [Galanter 2003] — Galanter P. What Is Generative Art? Complexity Theory as a Context for Art Theory (2003) // https://www.philipgalanter.com/downloads/ga2003_paper.pdf (accessed: 06.06.2023.)